

«Кави – Сарвар»: рождённые из духа музыки

наши
интервью

В декабре с. г. исполняется 123 года со дня рождения татарского советского писателя, поэта и переводчика Кави Наджми. В феврале прошлого, 2023-го, на сцене Большого концертного зала им. Салиха Сайдашева состоялась премьера оперы «Кави – Сарвар», посвящённой любви и сложной судьбе Кави Наджми и его жены, переводчицы Сарвар Адгамовой. Она стала одним из самых ярких музыкальных событий последних лет в нашей республике и важным этапом в развитии татарского оперного искусства. 27 и 28 апреля нынешнего года казанские меломаны вновь смогли услышать оперу в БКЗ им. С. Сайдашева. Сегодня мы беседуем с её создателями – композитором **Миляушой Хайруллиной** и драматургом **Айдаром Ахмадиевым**

– Скажите, как возник замысел оперы?

А. А. Первым звончком стал спектакль «Дом» на фестивале «Город АРТ-подготовка» в 2018 году. Он был посвящён знаменитому Мергасовскому дому, в котором жили Кави Наджми и Сарвар Адгамова. Там я впервые услышал отрывки из писем Кави и Сарвар друг другу. Позже я присоединился к команде активистов, которые навели в этом доме порядок. К нам пришла внучка Кави и Сарвар, Фарида Тансыковна Нежметдинова, и в благодарность подарила книжки их писем. Вот тогда-то у меня и зародился замысел.

М. Х. Айдар знал, что я мечтала оперу написать и находилась в поисках сюжета. Мне хотелось создать серьёзную, крупную композиторскую работу. Он мне передал книгу писем Кави и Сарвар, и я не расставалась с ней всё лето. С головой погрузилась в материал. Так всё и закрутилось.

– Каким образом у вас был организован процесс работы?

М. Х. Вначале Айдар сделал набросок либретто в духе популярных сегодня камерных перформативных вещей. А у меня было совсем другое видение. Я представляла себе скорее кино-оперу, чувствовала, что здесь должны быть иные масштабы. Я сделала свой каркас либретто по книге писем, исходя из музыкальной формы. Мы пришли к единому мнению, и всё время работали в тесном тандеме.

А. А. Самым важным было собрать крепкую систему персонажей и найти подходящую для этой истории форму. Нужна была исходная точка. Для меня такой точкой стал 1956 год: прошёл XX съезд партии, Джали-

лю присвоено звание героя, раскрыта правда о судьбе Тинчурина, а до смерти Наджми остаётся год. В это время писатель получает анонимку с обвинениями, и это запускает череду воспоминаний в голове героя. Таким образом, все события в опере становятся ревизией им собственной памяти и совести.

– Айдар, многие отмечали в опере удачный синтез документального и художественного. На какие источники вы опирались?

А. А. Для понимания отношений Кави и Сарвар, конечно, важны были их письма. В текст либретто они вошли фрагментарно: отдельные пассажи звучат в ариях главных героев. Большим подспорьем стала статья Рифата Фаттахова «Кави Наджми: личность и эпоха», книга Рафаэля Мустафина «Поимённо вспомним всех», статья Тансыка Нежметдинова «Воспоминания о родителях» и некоторые детали из биографического романа Заки Зайнуллина «Писатель Кави Наджми». При описании лагерных сцен я впечатлялся романом Евгении Гинзбург «Крутой маршрут», письмами Сарвар Адгамовой и материалами музея ГУЛАГа. Но надо помнить, что это не историческое произведение. Для нас художественный образ гораздо важнее фактографической точности.

– Какие персонажи в опере исторические, а какие вымышленные?

А. А. Кави, Сарвар, их сын Тансык, следователь Гусманов, товарищи Кави по Союзу писателей, тётя Хатира, Фарида – подруга Сарвар по лагерю – персонажи реальные. Из вымышленных ключевая фигура – сексот Самат Бикташев. Ею мы обязаны Рафаэлю Мустафину. В своей книге он упомина-

Айдар Ахмадиев

ет человека, поставленного в условия жесточайшего морального выбора, который в силу обстоятельств становится доносчиком.

М. Х. Бикташев – очень важный персонаж. С одной стороны, он антагонист Кави, с другой – оттеняет его, делает его образ более многомерным. С его слов Кави узнаёт, что близкий друг не доносил на Сарвар. Это помогает ему вновь поверить в человечность и доброту.

А. А. И отказаться от показаний, которые он дал под пытками. Я не согласен с оппонентами, которые утверждают, что мы идеализируем писателя. Кави Наджми как историческая фигура сложен. Наш герой не свободен от ошибок, но он проходит через чистилище и перерождается. Вплоть до кончины он испытывает терзания совести: «А всё ли я сделал, чтобы остаться человеком?»

М. Х. В финале Сарвар справедливо утешает его: «Ты многих спас». В первой редакции поименно перечис-

лялись все, кому помог Кави Наджми. Но, к сожалению, мы сильно вышли за рамки концертного исполнения, и пришлось делать большие сокращения.

– **Известный казанский литературовед Марсель Ибрагимов после спектакля сказал, что ему не хватило Кави Наджми как поэта.**

А. А. Тема искусства у нас присутствует, но она не главная. Для нас в первую очередь была важна линия любви наших героев и проблема человеческих взаимоотношений. Что касается стихов Кави Наджми, то они фрагментарно вшиты в текст либретто, и в целом их достаточно много.

– **Работа драматурга здесь, бесспорно, серьёзная и, как нам кажется, очень удачная. Но что греха таить, раздавались и такие голоса: молодой человек, в художественной среде малоизвестный, и сразу такой масштабный проект!**

А. А. За моими плечами экономическое и религиозное образование. Но я окончил музыкальную школу и занимаюсь музыкой всю жизнь. В последние годы активно осваиваю драматургию: участвую в лабораториях, конкурсах, всевозможных проектах, пишу сценарии, инсценировки.

М. Х. Айдар к тому же – большой меломан и эрудит, его познания в музыкальной литературе очень крепки. Без сомнения, он здесь абсолютно на своём месте. Неслучайно ему доверили заведовать музеем Сайдашева.

– **Как сложилась ваша команда?**

М. Х. Первые, кому мы показали оперу, были Артур и Эльза Исламовы. Мы с ними попробовали дуэт Кави и Сарвар, и он сразу так зазвучал, что мы оторопели: Вау! С другими было по-разному. Например, на роль Самата Бикташева долго искали исполнителя, пока не пришли к кандидатуре Дениса Хан-Бабы.

– **Блестящая роль – и в вокальном, и в актёрском отношении!**

М. Х. В основном наша команда – это мои друзья и однокурсники. Это

круг молодых артистов, про которых я понимаю: они способны на большее, им необходимо реализовываться в серьёзных проектах. Я верила, что моё поколение ещё заявит о себе. Можно сказать, это было моей мечтой.

– У вас замечательный дирижёр – Айрат Кашаев из Большого театра. На каком этапе он подключился к работе?

М. Х. За год до премьеры Айрат приезжал на фестиваль «Мирас» дирижировать сольный концерт. Александр Витальевич Сладковский поручил ему тогда «почитать» партитуру нашей оперы с оркестром. Айрат сразу заинтересовался, откликнулся на музыку. Позже Александр Витальевич поручил ему дирижировать премьеру. К своей роли он отнёсся очень серьёзно: регулярно приезжал в Казань и проводил тщательные репетиции.

– Дирижёр внёс свой особый вклад в ваше дело?

М. Х. Конечно! Поскольку у нас почти нет сценических ресурсов, нужно было, чтобы вся драматургия отражалась в голосе. Айрат делал глубокий психологический разбор партий. По его настоянию вся команда прочла Солженицына, «Колымские рассказы» Шаламова, «Крутой маршрут» Гинзбург. Словом, дирижёр требовал полного погружения.

А. А. При этом он не старался гнуть свою линию, а бережно относился к нашим идеям, стремился реализовать их как можно точнее.

– После апрельского спектакля мы услышали фразу известной певицы: «И как они смогли всё это выучить?! Где мелодия?»

М. Х. Не соглашусь. Мне моя опера кажется очень мелодичной. Я – мелодист, все подчёркивают это, и я от своей природы не отступаю. Просто эта опера – не «попса». Сама я автор многочисленных песен. Неужели не могла бы при желании написать «мелодии» в обычном понимании? Я владею обширным арсеналом композиторских

Миляуша Хайруллина

средств и тщательно подхожу к их выбору.

– По-видимому, для певцов, воспитанных на классической опере и национальной опере XX века, такая новая форма непривычна.

М. Х. Мне казалось, что «Кави – Сарвар» – опера, вполне классическая, продолжающая традицию. Но и дирижёр, и исполнители говорили о том, что эта опера – современная и требует других исполнительских приёмов. Подходов классического оперного пения здесь недостаточно. Требуется максимальная сцепка с психологическим театром, исключая оперные штампы и однобокие амплуа, а это, видимо, заставляет исполнителей по-другому себя организовывать.

– Критики позиционируют «Кави – Сарвар» как татарскую оперу, как новый шаг в национальном оперном искусстве. Одновременно подчёркивается синтез национальных и общеевропейских традиций. Согласны?

М. Х. Мне кажется, это тупиковая

*Кави Наджми
и Сарвар Адгамова*

мысль – противопоставлять национальное и мировое. Всякое искусство национально. Каждый народ вносит свой вклад в мировое искусство. Вопрос в том, насколько широкий шаг он делает навстречу всему миру. Мы не стремились создать что-то узко региональное. Нам хотелось, чтобы оперу можно было исполнять на любых сценах.

– В чём всё-таки проявился национальный характер вашей оперы?

М. Х. Для меня национальное – это тончайшие вкрапления музыкальных интонаций. В опере их много: в оркестре, подголосках, самих партиях. Вспомним хотя бы эпизод прибытия девушки Салимы в лагерь. Поскольку она из Казани, в этом месте главный лейтмотив оперы звучит очень нежно, грустно, «моңлы», по-татарски. Таких примеров немало. Но мне не близко, скажем, когда звучит ария, представляющая собой песню, и при этом действие останавливается. Глюк ещё в XVIII веке писал, что опера – это дра-

матургия, а не вставные номера. Нам хотелось отойти от оперной условности и добиться естественности.

– Были ли какие-то сложности в работе над оперой?

М. Х. Татарский язык специфичен для оперного пения. Чтобы партии вписались во всемирный перечень оперных ролей, требовался такой подход, который продолжал бы лучшие оперные традиции и переосмысливал их в соответствии с современным днём и национальной почвой.

А. А. Мы выверяли каждую фразу, слог, звук, потому что всё это влияло на композицию музыки.

– Миляуша, вы использовали в опере какие-то музыкальные цитаты?

М. Х. Вальс из «Наёмщика» Сайдашева. Пожалуй, всё.

– А частушки в лагерной сцене?

М. Х. Частушки каторжанки Нинки я сама написала, и слова, и музыку. А вот частушки тёти Хатиры у своей

*Артур и Эльза
Исламовы в роли
Кави и Сарвар*

бабушки позаимствовала. Это она их сочинила.

– Может быть, кто-то из композиторов опосредованно на вас повлиял?

М. Х. Думаю, я так или иначе впитала язык многих композиторов. Очень люблю «Порги и Бесс» Гершвина, «Богему» Пуччини. Конечно, нельзя не вспомнить «Катерину Измайлову» Шостаковича, «Войну и мир» Прокофьева...

– Ваша опера отличается удивительной цельностью, единством музыкальной, драматургической и театральной составляющих. При том, что это концертное исполнение, создаётся ощущение полноценного спектакля.

А. А. Это заслуга режиссёра-постановщика Ильгиза Зайниева. Минимальными средствами он создал адекватную театральную форму.

– Сколько времени ушло на эту работу?

М. Х. Около четырёх лет. Сначала мы думали, что поставим оперу с каким-нибудь камерным оркестром. Когда стало ясно, что будем играть с государственным симфоническим оркестром, пришлось переосмыслить всю партитуру. Хотя именно этот вариант в полной мере соответствовал тому, что я себе представляла внутренним слухом.

– Миляуша, вы пишете музыку для театра. Помогло ли это вам в работе над оперой? И какое место эта музыка занимает в вашем творчестве?

М. Х. Я не отношусь к прикладной музыке как недостойной труда композитора. Очень люблю эту сферу и вкладываюсь по полной. Благодаря работе в театре я научилась видеть, что в спектакле работает, а что нет. Это помогло мне правильно подойти к опере, соединить музыкантские знания с театральным опытом.

– Мы слышали, что репетицион-

ный процесс у вас был очень непростым.

М. Х. Да, нужно было решать много организационных вопросов. Приходилось искать площадки для репетиций. Каждый раз я звонила, договаривалась, составляла расписание.

– Получается, что композитор в наше время должен быть ещё и менеджером?

М. Х. Думаю, это сегодня объективная необходимость, если ты хочешь быть услышанным. Творческие люди часто бывают замкнутыми, но если ты свою музыку за ручку не поведёшь «в мир», вряд ли что-то получится. Без менеджерских, продюсерских, коммуникативных навыков не обойтись.

– Как критика отреагировала на «Кави – Сарвар»?

М. Х. Надо сказать, что нас щедро одарили. Все издания, все пишущие люди откликнулись.

– А качество критики вас устроило?

М. Х. Хотелось бы больше критики объективной, конструктивной. Часто несведущие люди не стесняются вы-

сказывать своё мнение, а интеллигентные, умные почему-то молчат. Важна просветительская деятельность. Хотелось бы, чтобы музыковеды активнее выходили в публичное пространство.

– В консерватории ведь есть кафедра музыкальной журналистики?

М. Х. Да, но не хватает ярких личностей, которые бы стали соратниками современному искусству, молодым авторам. К сожалению, это проблема.

– Почему опера «Кави – Сарвар» идёт не так широко?

М. Х. Я считаю, что для новейшей оперы такое количество показов уже отличный результат. Предложение Александра Витальевича Сладковского о постановке «Кави – Сарвар» было подарком судьбы! Как и решение о повторных показах. И ведь главное – полный *sold out*. Зрители так ждали! Приезжали на автобусах целые группы из других городов. Меня всё время спрашивают: когда следующий показ? Но у госоркестра свой график. Я считаю, что при своей сверхзанятости он просто подвиг совершил. Но если нас ещё раз пригласят, мы будем счастливы!

*Елена Шевченко,
Гульназ Гилемьянова*

